ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2011 История №3(15)

УДК 94(470.5)

С.А. Дианов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛЛИТА В 1930-е гг.

На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов рассмотрены практики из повседневной жизни партийной организации Свердловского обллита. Проанализированы социально-бытовые условия жизни уральских цензоров, их потребности и ожидания от власти. Автор утверждает, что не прекращавшееся обновление кадрового состава цензурного ведомства во второй половине 1930-х гг. можно объяснить так называемым человеческим фактором.
Ключевые слова*: Урал, Свердловский обллит, политическая цензура, цензоры, парторганизация.*

Устойчивый интерес к изучению феномена советской цензуры на профессиональном уровне наблюдается с начала 1990-х гг. В наше время уже «классикой» становятся первые труды А.В. Блюма, Д.Л. Бабиченко, Т.М. Горяевой [1–3]. В начале 2000-х гг. были опубликованы докторские диссертации Т.М. Горяевой и М.В. Зеленова, большую популярность в среде специалистов получила книга Г.В. Жиркова [4–6]. Их труды стимулировали пробуждение интереса к исследованию истории органов Главлита. В диссертационных исследованиях А.В. Сурова, В.И. Демина, Н.Н. Клепикова, Е.В. Кочетовой и А.М. Подлужной раскрываются принципы организационного строительства, механизмы и направления деятельности аппаратов местных органов Главлита на территории Архангельской, Ярославской, Курской и Пензенской областей [7–11]. Последней крупной работой в этом ряду стало исследование питерского историка Ф.К. Ярмолича. В работе нашли освещение вопросы формирования кадровой структуры органов цензуры на Северо-Западе СССР [12].

Публикаций, посвященных непосредственно истории советской цензурной политики на Урале, не так много. В первую очередь следует отметить статьи А. Бакановой, Г.И. Степановой, Е.Н. Ефремовой [13–15]. В них впервые была предпринята попытка анализа сохранившейся источниковой базы по истории органов уральской цензуры. В основном изучению подверглась часть документов, содержащихся в фондах архивов Свердловской области. Вместе с тем практически не изученным остался вопрос о статусе партийных организаций работников Главлита. Нет сомнений в том, что материалы собраний парторганизаций цензоров представляют собой уникальный исторический источник.

Первые партийные организации работников цензуры появились в уральском регионе не ранее конца 1933 г. 19 ноября 1933 г. при Уральском областном управлении по делам литературы и издательства [Уралобллит] была организована партийная ячейка ВКП (б). Первое организационное заседание бюро ячейки состоялось 2 декабря 1933 г., где решался вопрос о распределении обязанностей между ее членами. 4 января 1934 г. в связи с упразднением Уралобллита его партячейка была реорганизована в первичную парторганизацию Свердловского обллита при Сталинском районном комитете ВКП (б) г. Свердловска [16. Д. 2. Л. 3]. Заметим, что правовой статус работника цензурного органа отнюдь не ограничивался простым набором его профессиональных прав и обязанностей. Стимулировать качество исполнения этой трудовой функции была призвана система государственных гарантий. Люди, приходившие в цензурный аппарат, часто не представляли себе объемы работы, ее специфику. Получив направление от партийных структур, они не сомневались в том, что это новое занятие принесет им хорошие дивиденды. Вполне естественным казалось, что принадлежность к цензуре может открыть им многие двери, завести нужные знакомства, приблизить перспективу продвижения далее по служебной лестнице. «С кадрами у нас всегда дело обстоит остро, дают работников и говорят они хорошие, – признавал начальник Свердлобллита С.И. Тубанов в июне 1937 г. – В.Н. Захарову, например, выдвинул т. Самохвалов из Главлита, Попову рекомендовал Белоглазов, Цветкову дал Отдел печати. Юматова дали решением бюро обкома… Ивановскую направил культпроп горкома» [7. Д. 5. Л. 48об.]. Совершенно очевидно, что «выдвиженцы» рассчитывали на нечто большее, чем просто выполнение цензорских обязанностей.

Поэтому не случайно в парторганизации Свердлобллита вопросам социально-бытового обслуживания работников уделялось самое при-

стальное внимание. Уже 4 марта 1934 г. на партийном собрании обсуждался вопрос о деятельности месткома при обллите. Члены парторганизации тогда много говорили о проблемах, ждущих немедленного разрешения. Спустя три месяца, 4 июня 1934 г. на партийном собрании был заслушан доклад Р. Касимова, руководителя месткома. По существу он признал бессилие месткома без поддержки «авторитетных» органов решать вопросы бытового обслуживания членов парторганизации. Его тезисы поддержал С.И. Тубанов, в свою очередь, констатируя факты: «Насчет медобслуживания у нас обстоит дело плохо, нам в медобслуживании отказали, и я должен буду ставить в обкоме партии этот вопрос… Что же касается мест на курорты, то нам не дано» [16. Д. 2. Л. 27]. Возмущенные таким состоянием дел члены парторганизации приняли постановление: «Добиться прикрепления сотрудников к медобслуживанию, заняться заготовкой дров, оживить работу добровольных обществ МОПРа и ОСО» [16. Д. 2. Л. 27об.].

Отсутствие желаемых благ считалось в партоорганизации временным явлением. Цензоры полагали, что вышестоящие партийные инстанции просто не знают об их проблемах. У них не было ни малейших сомнений, что все недоразумения, возникшие на первых порах, будут изжиты в самое ближайшее время. Эта уверенность поддерживалась порой причудливыми притязаниями на право считать себя носителем власти, причислять свою организацию к властным структурам. Причем любые суждения, свидетельствующие об обратном, немедленно отвергались. «Мы не второстепенная организация!» – этот лозунг был озвучен А.Н. Ивановской на партийном собрании 16 сентября 1934 г. «Этого не может быть, с этим мы смириться не можем», – говорила она своим коллегам [16. Д. 1. Л. 1об.]. Подобный психологический настрой не менялся довольно длительное время. Выработанные внутри самой парторганизации стереотипы мешали ее членам выбрать верную тактику поведения в практиках взаимодействия с советскими учреждениями и организациями. Требования о предоставлении социальных услуг продолжали периодически закрепляться в постановлениях партсобраний. 3 марта 1935 г. парторганизация, в частности, постановила: «<…>6. Поручить т. Шпак договориться с РК ВКП(б) о прикреплении в порядке культдоговора организации Обллит к какому-либо предприятию или ближайшему колхозу. 7. Поручить т. Тубанову поставить вопрос в облисполкоме перед тов. Головиным о необходимости выделения трех квартир для работников Обллит, не имеющих квартиры. 10. В целях оказания лечебной помощи в период отпусков работникам Обллит просить т. Тубанова изыскать средства идущим в отпуск на приобретение четырех курортных мест, всего в сумме до 5500 рублей, и поставить вопрос перед издательствами о выделении лечебных средств для уполномоченных при издательствах» [16. Д. 3. Л. 3].

Начальнику обллита и парторгу поручалось довести до сведения властных структур нужды цензурного органа. В тексте постановления обнаруживается конкретность требований, называются адресаты их исполнения, предлагаются варианты изыскания финансовых средств для удовлетворения этих потребностей. Каких-либо сомнений в правомочии своих предложений членами парторганизации высказано не было. Вместе с тем немедленной реакции со стороны партийных и советских организаций не последовало. Предложения цензоров оставались на бумаге. Облисполком не спешил принимать решения о предоставлении жилых помещений Свердлобллиту. В Сталинском райкоме ВКП(б) обращение парторганизации обллита на заседаниях бюро не рассматривалось. Попытки начальника обллита С.И. Тубанова вынести свой доклад «О работе Обллита» на пленум бюро обкома ВКП(б) также не увенчались успехом [16. Д. 3. Л. 24]. При этом бытовые проблемы в цензурном органе нарастали как снежный ком.

9 апреля 1935 г. в повестку партийного собрания был включен вопрос о ситуации с Н.И. Юматовым, заместителем начальника обллита. В течение трех дней он не выходил на работу по причине приступа «острой неврастении». «У товарища Юматова особенно тяжелое положение сейчас, более года он живет в Свердловске без семьи и не может получить квартиры, – говорила секретарь собрания Е.Н. Козлова. – Жена сейчас имеет открытый процесс туберкулеза, надо немедленно отправить ее на курорт, Юматов не может достать ей путевку» [16. Д. 3. Л. 9]. Обсудив тяжелое положение своего коллеги, члены парторганизации приняли решение об оказании ему «срочной» помощи. В адрес Сталинского райкома ВКП(б) были направлены следующие предложения: о содействии в предоставлении Н.И. Юматову квартиры в городе, а также путевки на лечение его супруге. По линии обллита ему гарантировался льготный график работы, освобождение от дополнительных нагрузок. Несколько дней спустя Н.И. Юматов вновь приступил к исполнению своих обязанностей, однако квартира его семье впоследствии так и не была предоставлена.

Через месяц после истории с Н.И. Юматовым парторганизация обллита выразила бурное недо-

вольство усугубившейся ситуацией с социальным обеспечением работников цензуры. В прениях на партсобрании 16 мая 1935 г. С.И. Тубанов, в частности, говорил: «В отношении прикрепления к столовым вопрос ставился, но ничего не добились. Я поставлю еще раз вопрос перед партгруппой облОНО о выделении средств на курорты, в литпайках облОНО отказало» [16. Д. 3. Л. 12]. В свою очередь, И.А. Шляпин в своем выступлении призвал коллег вернуться к идее двухмесячной давности: «В отношении получения курортов для уполномоченных при издательствах нужно поставить вопрос перед издательствами». Кстати, это предложение было вновь единогласно поддержано. Другие члены парторганизации также делились своими мыслями по поводу обсуждаемых проблем. Критика «бездушного» отношения чиновников к проблемам цензурного органа с этого времени начинает набирать обороты. Меняется трактовка объяснения причин кризисных явлений.

«Забота о человеке – не личное дело, а государственное, так как лучше устроенный человек больше приносит пользы государству своей работой», – это высказывание принадлежит парторгу М.И. Земскову. На партсобрании 16 ноября 1935 г. он и его коллеги снова обсуждали «жилищную» проблему. Руководитель парторганизации обллита столкнулся на личном примере с «бездушно-бюрократическим» отношением советских чиновников. «Квартирный вопрос со мной: ведь обошел все организации и везде встретил только бездушие, нет внимания, и меня это уже истрепало, – говорил М.И. Земсков. – Уже указываю на квартиру, и все-таки начинают увертываться. Тов. Стрихнин, как самый ярый бюрократ в этом отношении, квартиры распределяет по знакомству» [16. Д. 3. Л. 30]. «Бюрократ» Стрихнин занимал должность заместителя начальника управления Горжилсоюза г. Свердловска. Семья М.И. Земскова насчитывала пять человек, двое из которых были детьми. Цензор не смог найти общий язык с чиновниками Горжилсоюза. Ему не помогало даже покровительство секретаря свердловского горкома ВКП(б) М.В. Кузнецова, который еще в сентябре 1935 г. дал указание городским властям найти для М.И. Земскова подходящий вариант. Выход из сложившейся ситуации сам М.И. Земсков видел в создании при Свердлобллите собственного жилищного фонда.

Сочувствие парторгу выразили его коллеги С.Б. Бабаев, М.Н. Никитин и С.И. Тубанов. «Вопрос о квартирах у нас в Обллите стоит гораздо серьезнее, так как нам нужны кадры, а их мы не получим, пока у нас не будет квартир», – говорил на партсобрании С.Б. Бабаев [16. Д. 3. Л. 30–31]. С.И. Тубанов пообещал вопрос о жилье заново поставить перед облисполкомом, однако выразил сомнение в перспективах учреждения жилфонда при цензурном ведомстве. М.Н. Никитин подхватил мысль парторга о мздоимстве отдельных советских служащих. «Я лично нуждаюсь в курорте, обил все пороги и все-таки только по «блату» смог получить путевку», – признался цензор [16. Д. 3. Л. 31]. Вместе с тем парторганизация была не в силах выровнять ситуацию в сфере социально-бытового обслуживания своих членов. На плохие жилищные условия цензоры жаловались и в последующие годы. Престижность профессии стремительно падала. В августе 1937 г. на очередном партсобрании тот же С.Б. Бабаев в своей речи подчеркивал, что приток новых кадров в органы цензуры напрямую зависит от «квартирных» и иных бытовых условий [16. Д. 5. Л. 59].

Поиск места своей организации в системе государственного управления нередко приводил к курьезным случаям. Так, например, цензоры не всегда могли решить вопрос о том, каким образом презентовать свою организацию на торжествах или празднествах. 16 апреля 1936 г. на партийном собрании рассматривался вопрос «О подготовке к проведению 1 Мая». Вопрос начальника обллита С.И. Тубанова «С кем лучше пойти в колонне демонстрации?» повис в воздухе. Избегая прямого ответа, М.В. Шпак и М.И. Земсков предложили вообще отказаться от участия в первомайской демонстрации. «Практика показала, что участие в демонстрации наших работников не удается, все мы обычно болтаемся по городу», – говорил, в частности, М.И. Земсков. Е.Н. Козлова внесла предложение выйти на улицы города ранним утром с целью «обследования украшений и лозунгов». После обсуждения других второстепенных моментов, лишь С.М. Потапов отважился заявить: «В демонстрации мы должны безусловно участвовать, идти хотя бы с Союзом издательств» [16. Д. 4. Л. 15]. Правда, эта идея была сразу отвергнута. После продолжительных дебатов парторганизация решила все же принять участие в шествии, но отдельной группой под известным лозунгом «Жить стало лучше, товарищи! Жить стало веселее!» [16. Д. 4. Л. 16].

Перевод органов цензуры с 1 января 1938 г. на государственное бюджетное финансирование фактически не вызвал кардинальных изменений в сфере бытового обслуживания. В докладе «О состоянии кадров Обллита на 15 августа 1938 г.» начальник Свердлобллита А.П. Горских отмечала, что «надлежащие материально-бытовые условия»

для работников цензуры так и не были созданы. «Ни один работник не получил квартиры, работая в Обллите, – говорила А.П. Горских. – Те, кто раньше, до работы в Обллите имел квартиры, так те счастливы, те же, кто не имел квартиры, – так нет и надежды получить вообще пока они работают в системе Обллита» [16. Д. 6. Л. 46]. 16 августа 1938 г. парторганизация обллита приняла резолюцию, в которой признавалось, что «ввиду плохих материальных условий многие работники стараются уйти на другую работу». В своем обращении в Свердловский обком ВКП(б) парторганизация настойчиво просила «создать материальные условия» для работников аппарата обллита и райлитов посредством их «обеспечения квартирами» [16. Д. 6. Л. 47]. Данное обращение цензоров, как и прежние, осталось без внимания. До конца 1938 г. Свердлобллит не получил ни одной квартиры для своих работников.

В 1939 г. переход цензоров на другую работу по причине отсутствия жилья приобрел массовый характер. В первом полугодии Свердлобллит покинули уполномоченный при газете «Уральский рабочий» И.М. Юсупов и политредактор В.И. Карпушев [16. Д. 7. Л. 49]. Оба цензора проработали в обллите около двух лет. Размер должностного оклада у первого составлял 700 руб., у второго – 600 руб. 7 августа 1939 г. заявление об уходе из парторганизации подал уполномоченный обллита при газетах «Восходы Коммуны», «Колхозный путь», «Смена» П.Ф. Треногин. В заявлении он открыто обозначил мотив своего решения: «ввиду не имения квартиры». Присутствующие на партсобрании коллеги П.Ф. Треногина не пытались его отговорить, воззвать к его большевистской совести, подчеркнуть важность его работы для коллектива и обллита в целом. Заявление П.Ф. Треногина было удовлетворено и вновь продекларировано: «Поставить вопрос перед Обкомом ВКП(б) и Главлитом, что ввиду отсутствия квартир у ряда работников Обллита, они вынуждены уходить с нашей работы» [16. Д. 7. Л. 49]. Отток кадров из аппарата Свердлобллита продолжался.

Спустя месяц после увольнения П.Ф. Треногина Свердлобллит покинула политредактор Л. Хренова. В цензуре она проработала менее одного года. Проживая в съемной квартире на окраине г. Свердловска политредактор неоднократно жаловалась коллегам на неудовлетворительные условия бытового снабжения. «Дров мне не привезли, а зима проходит, – говорила Л. Хренова на партсобрании 16 января 1939 г. – Приходишь и вместо того, чтобы отдохнуть, в квартире холодно. Я работаю четвертый месяц и в таком положении работать очень плохо – нужно заботиться о людях» [16. Д. 7. Л. 6]. Ее терпения хватило на следующие полгода, после чего цензурный орган потерял еще одного работника.

Подводя итоги уходящего года на партийном собрании 26 декабря 1939 г., цензоры с неподдельным возмущением констатировали факт развала кадровой работы в аппарате Свердлобллита. «Люди уходят, основная причина этому – не созданы надлежащие условия», – говорил М. Турыгин. «За последнее время ушло 4 человека, нужно закреплять кадры, – отмечала, в свою очередь, Е. Сазонова. – Заняться бытовыми условиями, администрация обязана создать для работников требуемые условия» [16. Д. 7. Л. 66]. Кроме жилья, цензоры продолжали требовать прикрепления своих семей к специализированным медицинским учреждениям, столовым и снабженческим структурам. Даже отсутствие снабжения дровами считалось унизительным явлением. Политредактор Г. Гайфулин объяснял свои частые опоздания на работу причиной простоя в очередях за дровами [16. Д. 7. Л. 28]. «Со стороны Обкома по отношению к нам есть недооценка, так как они нам плохо помогают, даже меня, секретаря, ни разу не вызвали поговорить о работе», – заявил парторг В.Д. Устюгов

На втором месте после жилья неизменно стояла тема заработной платы. Оплата труда вызывала у цензоров не меньшую озабоченность. В августе 1938 г. А.П. Горских в уже известном нам докладе назвала существующие ставки цензоров «ненормальным явлением». Для сравнения начальник обллита взяла оклады редакторов газет. Получалось, что при наименьшей интенсивности труда зарплата редактора была выше, чем у работника цензуры. «Если уполномоченный Обллита литирует несколько газет, по 3–4 и больше, несет ответственность за каждую из них, получает меньше подчас, нежели чем редактор одной газеты, – говорила А.П. Горских. – Например, по г. Перми, где у уполномоченного Обллита выше ставки в 650 руб. нет, а редактор газеты «Звезда» т. Ревко получает ставку 750 руб. и дополнительно 50 руб. как гонорар» [16. Д. 6. Л. 46]. Такую практику в обллите признали недопустимой. В резолюции парторганизации от 16 августа 1938 г. цензоры заявили о необходимости повышения ставок оплаты их труда. Периодически к этому вопросу парторганизация возвращалась в 1939–1940 гг. Однако обращения цензоров в Главлит и партийные комитеты положительного результата не дали.

Таким образом, во второй половине 1930-х гг. парторганизация Свердлобллита в качестве меры

воздействия на властные структуры апробировала допустимые формы протеста. Внутренние кипящие страсти выливаются в официальные резолюции, обращения и призывы. Не получив ожидаемых, порой надуманных благ, работники один за другим покидают Свердлобллит. На 1 января 1939 г. в аппарате обллита не осталось ни одного уполномоченного, работавшего в 1935–1936 гг. Начиная с осени 1938 г. протест цензоров усиливается, люди уже открыто заявляют о «ненормальностях» и уходят из обллита. Их пример заразителен, оставшиеся также начинают искать альтернативу профессиональной деятельности. С августа 1938 г. по май 1940 г. из аппарата Свердлобллита уволилось еще 13 человек [16. Д. 9. Л. 76]. К весне 1940 г. в парторганизации осталось только 30 % работников, числившихся в штате обллита на 1 июня 1938 г. Имидж цензурного органа был серьезно подорван, психологический настрой в парторганизации можно охарактеризовать как упаднический. «Нас остаются из года в год одни и те же, потому что подготовленные работники к нам не идут, не закрепляются», – говорил парторг В.Д. Устюгов на одном из партийных собраний [16. Д. 9. Л. 75об.]. При всем этом каких-либо открытых акций в адрес Главлита или местных властей парторганизация обллита не предпринимала.

Ситуация резко изменилась в мае 1940 г., когда терпению цензоров пришел конец, и парторганизация решилась на открытый конфликт с вышестоящими структурами. Сигналом к выступлению послужило прискорбное событие – 6 мая умер член парторганизации, политредактор Галанова. Денежных средств как на организацию погребения, так и на материальную помощь семье Галановой в кассе обллита не оказалось. На следующий день парторгом В.Д. Устюговым был инициирован созыв внеочередного партсобрания, на котором после непродолжительных дебатов было принято решение о сборе денег на похороны с каждого члена парторганизации. Подчеркнем, что только усилиями работников аппарата обллита удалось урегулировать вопрос с похоронами. Помощи от других организаций не поступило. Подобное отношение глубоко возмутило цензоров. Бытовые проблемы вновь выступили на первый план.

16 мая 1940 г. состоялось партийное собрание, где в адрес региональной власти и Главлита прозвучало немало критических высказываний. Эмоциональный фон подогрело заявление Е. Сазоновой, рассказавшей коллегам о проблемах начальника обллита А.П. Горских. Ее с двумя маленькими детьми выселяли из съемной квартиры, кроме того, она не могла детей устроить в детский сад. Хождения по инстанциям результатов не принесли. Присутствующая на собрании А.П. Горских подтвердила слова коллеги. Данная история стала последней каплей, переполнившей чашу терпения, после чего началась жесткая критика властных структур.

«Руководят нами действительно плохо, от нас отмахивается райком, горком и Обком, – начал первым В.Д. Устюгов. – Совершенно недостаточно руководит нами Главлит (Садчиков), а в районах дело обстоит еще хуже! Не можем мы дать необходимую материальную помощь. Для того чтобы похоронить товарища, мы вынуждены собирать средства с коммунистов!» [16. Д. 9. Л. 76]. Далее парторг говорил, что неоднократно парторганизация обращалась с официальными письмами в Главлит, содержащими просьбы о выделении материальных средств. «Ничем не можем и не имеем возможности поддержать товарища в смысле отдыха, лечения», – продолжал В.Д. Устюгов. В заключение своего выступления он предложил написать докладную в ЦК ВКП(б), изложив в ней все беды парторганизации обллита. Присутствующие на собрании члены парторганизации поддержали парторга. В частности М. Турыгин заявил: «Я поддерживаю предложение Устюгова о том, чтобы написать письмо-докладную в ЦК партии о нашем положении!» [16. Д. 9. Л. 77]. Е. Сазонова, выразив свое удовлетворение этой инициативой, обратила внимание коллег на то, что из-за создавшегося критического положения двое цензоров собрались покинуть в ближайшее время цензурный орган. «Шаламов уходит с работы из-за квартиры, очередь по этим вопросам за Ольковым и др.», – говорила она. Заметим, что присутствующий на собрании представитель Сталинского райкома ВКП (б) предпринял попытку поправить выступающих цензоров, предложив вариант: «Письмо, прежде всего, нужно написать в Обком партии…» [16. Д. 9. Л. 77об.].

По окончании дебатов парторганизация обллита приняла решение о формировании рабочей группы для составления проекта письма в ЦК ВКП(б) и Главлит РСФСР. В состав рабочей группы были избраны: парторг В.Д. Устюгов, начальник обллита А.П. Горских, политредакторы А.А. Кротких и Е. Сазонова. Несколько дней спустя появился документ – резолюция собрания парторганизации Свердлобллита от 16 мая 1940 г. «О положении дел с кадрами Свердловского обллита» [16. Д. 9. Л. 76]. Подчеркнем, что письмо в ЦК ВКП(б) так и не было составлено. Партийная

дисциплина все же возобладала над эмоциями. Адресатами резолюции стали Главлит и Свердловский обком ВКП(б).

В этом документе нашли отражение несколько проблемных тем. Во-первых, парторганизация констатировала факт потери целого ряда квалифицированных работников, связав это с невозможностью предоставления им жилья. «Сейчас некоторые работники находятся в таком же положении, живут в плохих квартирных условиях или в квартирах других организаций, которые предлагают освободить квартиры», – отмечалось в резолюции. Во-вторых, парторганизация признала свое бессилие воздействовать на местные властные структуры. «Все попытки просить у местных организаций о закреплении нескольких квартир за Обллитом, ни к чему не привели», – говорилось далее в документе. В-третьих, парторганизация выразила неудовлетворение деятельностью Главлита как руководящей структуры.

Претензии к Главлиту можно также разбить на несколько групп: а. Выделение Свердлобллиту недостаточного количества денежных средств. В 1940 г. на «социально-бытовые нужды» Свердлобллит получил всего три тысячи рублей. «Из этих средств представляется возможным помочь 3–4 чел., в то время как большое количество товарищей нуждается в неотложной помощи, курорты и другие виды», – говорилось в резолюции. Подобная ограниченность в средствах порой, по мнению цензоров, приводила к «возмутительным» фактам. В качестве примера был описан случай с похоронами политредактора Галановой. б. Отсутствие стимулирующих выплат, премирования работников Свердлобллита за 1939–1940 гг. «На премирование не было выделено ни копейки, несмотря на ранее вынесенное нашей парторганизацией решение, которое было послано т. Садчикову, последний не счел даже нужным ответить на наше решение», – подчеркивалось в документе. в. Недостатком работы Главлита парторганизация назвала и «слабое» руководство процессом повышения квалификации, подготовки и переподготовки цензоров. «Все работники нашего обллита решили задачи (1–2 серии) слабо, – отмечалось в резолюции. – Главлит не поинтересовался, почему такое положение? Или состав работников Свердловского обллита очень плохой или какие другие причины». Далее следовал призыв к Главлиту руководить «учебой по существу» [16. Д. 9. Л. 76об.].

Изложив свои проблемы, парторганизация сформулировала пять требований: 1) предоставить Свердлобллиту не менее 3 квартир; 2) выделить Свердлобллиту дополнительные денежные средства на «социально-бытовые» нужды; 3) провести процедуру прикрепления работников обллита к поликлинике «спецназначения», а также к «спецстоловым»; 4) периодически премировать лучших работников обллита; 5) своевременно утверждать в должностях вновь назначенных уполномоченных Свердлобллита. Выполнение Свердловским обкомом ВКП (б) и Главлитом этих требований, по мнению парторганизации, будет способствовать созданию условий для «выращивания» и закрепления кадров в уральском цензурном ведомстве. Резолюция парторганизации Свердлобллита дошла до адресатов. К сожалению, мы не располагаем ответом Свердловского обкома ВКП(б). Вместе с тем в наших руках имеется циркулярное письмо Главлита РСФСР от 22 июля 1940 г. на имя парторга В.Д. Устюгова. Ответ был подготовлен заместителем начальника Главлита П.Н. Прониным и начальником отдела местных органов ОВЦ А. Тарарухиным. Заметим только, что в резолюции парторганизации несколько раз упоминалась фамилия начальника Главлита Н.Г. Садчикова. Вполне очевидно, что уральские цензоры желали получить ответы на свои вопросы непосредственно из первых рук. Однако этого не случилось.

Ответ Главлита был построен на основе контраргументов и претензий. С первых же слов чиновники постарались охладить пыл своих уральских коллег. «Решение вопроса о квартирах для цензоров зависит исключительно от местных организаций гор. Свердловска, – говорилось в циркуляре. – В данном случае начальнику Обллита т. Горских необходимо быть более активным, а Вы помогите ему, информируйте Горком и райком партии о положении» [16. Д. 9. Л. 92]. Все дальнейшее содержание циркуляра было выстроено в этом же духе. Отметим частое употребление таких оборотов, как: «Вы не сумели правильно решить вопрос…», «Свердловский обллит почему-то не использовал эту возможность…», «парторганизация должна помочь начальнику обллита в деле…» и т.д. Главлит высказал конкретные претензии к начальнику обллита А.П. Горских и его заместителю, как то: перерасход денег по фонду зарплаты в 1939 г., необоснованное уплотнение рабочего дня цензоров, учреждение «лишних» штатов, неправильное распределение ставок окладов для районных уполномоченных и т.д. По вопросу выделения дополнительных средств на «социально-бытовые» нужды обллита Главлит отвечал категорическим отказом. «Не существует положения, чтобы каждому работнику за счет государства предоставлять курортную путевку!», – писали П.Н. Пронин и его коллега.

При всем этом чиновники Главлита позволили себе сделать выпад и в отношении парторганизации Свердлобллита, а именно: «В постановлении партийного собрания не видно роли партийного бюро и его секретаря в деле укрепления цензуры в Свердловской области» [16. Д. 9. Л. 92об.]. Этот намек на несостоятельность имел цель предупредить очередную порцию критических замечаний уральских коммунистов в адрес Главлита. К тому же в заключение циркуляра Главлит указал парторганизации обллита на удел ее деятельности: «активно помогать обллиту в работе, поддерживать единоначалие, укреплять дисциплину среди работников». Такое вольное обращение с партийным органом могло быть вызвано в целом неопределенным статусом партийных объединений работников цензуры. Обратись в Главлит партийная организация другого советского учреждения, ответ наверняка был бы более учтивым и содержательным. С парторганизациями своих местных органов Главлит, как мы убедились, не очень то считался. Его руководители заняли позицию игнорирования подобных обращений, писем и резолюций. Итак, парторганизация Свердлобллита не добилась выполнения своих требований. Как следствие этого кадровый аппарат обллита продолжал терять работников. За вторую половину 1940 г. уволилось еще несколько коммунистов: Шаламов, Е. Сазонова, М. Турыгин. Ушли как раз те, кто активно призывал коллег отстаивать свои права. Их место занимали новые люди, не имевшие порой даже партийного стажа. Так, на 1 января 1941 г. в парторганизации обллита насчитывалось 14 человек, двое из которых являлись всего лишь кандидатами в члены ВКП(б) [16. Д. 10. Л. 47].

Проблемы бытового характера обсуждались на партийных собраниях и накануне Великой Отечественной войны. Так, на собрании парторганизации 5 июня 1941 г. заместитель начальника Свердлобллита А.Н. Чернов заявил об отказе отдать целиком свою месячную зарплату на кампанию, посвященную государственному займу им. 3-й пятилетки. Его поддержал уполномоченный обллита при областной газете «Уральский рабочий» М.Ф. Мусихин, согласившись пожертвовать 550 руб. при окладе в 700 руб. [16. Д. 10. Л. 50]. Оба цензора подверглись нападкам со стороны коллег. «Эти товарищи не поняли важности проводимой кампании, они плетутся в «хвосте»»!», – с возмущением говорил политредактор А.А. Кротких. «В отношении Чернова: учился на советские деньги, является руководителем Обллита, – говорила профорг Т.А. Тюкалева. – А подписываться на месячный оклад не хочет. Плохи те коммунисты, которые проваливают решения партсобраний!» [16. Д. 10. Л. 51]. В свою очередь, А.Н. Чернов объяснял свое решение материальными трудностями, с которыми боролась его семья. «Некоторые товарищи не знают, как Чернов живет, – отвечал цензор. – Нужда, которая меня заедает, началась еще со студенческих лет. Моей зарплаты не хватает, жена не имеет обуви, ходит в галошах. У меня не было ботинок, пришлось в кассе взаимопомощи брать 60 руб. Для меня и 10 руб. – это важная сумма для жизни!». В свою очередь, М.Ф. Мусихин просил обратить внимание коллег на его проблемы: «У меня дочь больна, каждый рубль имеет для меня значение. Я подписался сколько мог, у меня ребенок больной!» [16. Д. 10. Л. 52]. Несмотря на эти призывы, большинством голосов парторганизация приняла постановление, в котором отмечалось: «Тов. Чернов и Мусихин не показали передовой роди большевика-коммуниста, свои личные интересы они поставили выше государственных». Кроме того, объявлялось о решении лишить обоих цензоров занимаемых ими должностей: Мусихина снять с должности председателя «Комсода», а Чернова – с должности заместителя начальника обллита. К тому же о непартийном поведении коммунистов предлагалось довести до сведения обкома ВКП(б). В итоге под таким мощным давлением А.Н. Чернов и М.Ф. Мусихин написали заявления о своем согласии отдать месячный оклад в размере соответственно 700 и 720 руб. на государственный заем [16. Д. 10. Л. 53].

Рассмотренные выше практики из повседневной жизни парторганизации Свердлобллита дают возможность констатировать следующее. Психологический климат в коллективе был неустойчив, во многом раздираемый бытовыми неудобствами. Длительный путь в профессии цензора проходили единицы, люди с устойчивой психикой и верой в свои силы. Подавляющее большинство людей, попадавших в цензурный аппарат, быстро ломались и уходили, унося с собой непонимание и обиды. Тезис «о лучше устроенном человеке» М.И. Земскова находил себе множество сочувствующих. Невнимание властей к нуждам цензоров коробило последних, оскорбляло их чувства, а главное надежды на приобщение к благам привилегированного слоя общества. Не получая морального удовлетворения от статуса профессии, испытывая материальную нужду, спустя некоторое время человек, до этого будучи уверенным в том, что он наконец нашел свое призвание, уходил из цензуры. Таким образом, не прекращавшееся обновление кадрового состава аппаратов обллитов

во второй половине 1930-х – нач. 1940-х гг. можно объяснить не столько уже известными событиями (например, репрессии), сколько так называемым человеческим фактором. Удовлетворение повседневных потребностей было важнее, нежели профессиональные интересы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блюм А.В.* За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994.

2. «*Литературный* фронт». История политической цензуры. 1932–1946 гг.: сб. документов / сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994.

3. *Горяева Т.М.* Исключить всякие упоминания о цензуре…: Очерки истории советской цензуры. Минск, 1995.

4. *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2002.

5. *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы: монография. Нижний Новгород, 2000.

6. *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв.: учеб. пособие. М., 2001.

7. *Суров А.В.* Цензурная политика Советского государства в 1917 – нач. 1930-х гг.: дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2002.

8. *Демин В.И.* Борьба партийно-государственных органов с инакомыслием в советской провинции: 1917–1945 гг. (На материалах Курского края): дис. … канд. ист. наук. Курск, 2005.

9. *Клепиков Н.Н.* Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: дис. … канд. ист. наук. Архангельск, 2005.

10. *Подлужная А.М.* Политическая цензура в Пензенском регионе в 1920–1930-е гг.: дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2007.

11. *Кочетова Е.В.* Средства массовой информации и цензура в послевоенные годы: 1945–1953 гг. (на материалах Пензенской области): дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2006.

12. *Ярмолич Ф.К.* Цензура на Северо-Западе СССР. 1922–1964 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2010.

13. *Баканова А.* Из истории цензуры на Урале (обзор источников) // Цензура в России: матер. Междунар. науч. конференции. Екатеринбург, 1996. С. 53–60.

14. *Степанова Г.И.* Деятельность органов цензуры в документах Центра документации общественных организаций Свердловской области (1918–1991 гг.) // Цензура в России: матер. Междунар. науч. конференции. Екатеринбург, 1996. С. 30–34

15. *Степанова Г.И.* Политический контроль за печатным словом // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. Пермь, Чусовой. Пермь, 2002. С. 140–143.

16. *Центр* документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4284. Оп. 1.